

М. А. Воксъ.

ПИРУЭТЬ
ШУТА

ЭСКИЗЫ О
ДЕБОШИРСКОЙ
ПОЭЗИИ И СТИХИ

ТИФЛИСЪ.

Тип. насл. К. П. Козловскаго, Гол. пр. № 12.
1918.

М. А. Воксъ.

ПИРУЭТЪ

ШУТА

ЭСКИЗЫ О
ДЕБОШИРСКОЙ
ПОЭЗИИ И СТИХИ

ТИФЛИСЪ.

Тип. насл. К. П. Козловскаго, Гол. пр. № 12.
1918.

Pro domo suo.

Передъ разставаніемъ съ милыми друзьями, не изъ лакееобразныхъ эстетовъ и не изъ патентованныхъ поэтовъ, гнилью пахнущихъ, а изъ пролетарски, вольно и молодо настроенныхъ, дѣтски просвѣтленныхъ и никакъ еще не патентованныхъ (какое счастье!), простенькихъ людей, мнѣ хотѣлось оставить свои каракули, какъ воспоминаніе; изложить свой взглядъ на поэзію (мы часто болтали о ней „несчастненькой“), свое поэтическое „исповѣданіе вѣры“.

И еще, мнѣ хотѣлось запечатлѣть, пусть очень тоненькой книжкой, наши интимныя бесѣды, послѣ которыхъ, мы освѣженные и полупьяные отъ многоликихъ возможностей, отъ новыхъ перспективъ, неожиданно раскрытыхъ въ пріятіи, или вѣрнѣе воспріятіи всей переливной новизны, и жизни, и самыхъ дальнихъ, затаенныхъ закоулковъ человѣческой души, становились прекраснѣй и немножко смѣшнѣй.

Послѣ такихъ, иногда нелѣпыхъ бесѣдъ, у насъ создавалось настроеніе—распахнутся до безстыдства, распахнуть свою душу во всей широтѣ и жить уродски-безумно, но жить, жить до подлой гримасы, до звѣринаго цѣплявія за землю, до мучительнаго бичеванія себя всей обыденщиной, ея безсмысліемъ, ея безобразіемъ, ея разлагающей идеологіей „мирнаго житія“.

Моей задачею не будетъ дать исчерпывающее обоснованіе и иллюстраціи „исповѣданію вѣры“ въ вопросахъ поэзіи; видно суждено это сдѣлать не здѣсь и не теперь. Въ настоящей-же сцѣпкѣ словъ подъ названіемъ: „Пирують шута“, будетъ данъ только абрисъ, сознаюсь небрежный, будетъ провѣшана линія новой аргументаціи поэтического искусства и опредѣленіе, опять таки намѣнками, мѣста творца дебошира.

Отъ такого легкаго наброска, моимъ, милымъ друзьямъ зазвучить ближе дряхлая мудрость римлянъ:

Fecī, quod potui

А досужимъ, любопытствующимъ зѣвакамъ, вѣроятно, не придется раскрыть слѣдующую страничку, ибо, что они тамъ найдутъ, когда не стучались кулачѣнками, до безсилья, ни въ ка-

кую дверь? И затѣмъ, перефразируя старенькую мысль, но всегда вѣрную для зѣвакъ и рота-зѣевъ, можно предварить ихъ любопытство:—

„Что deboширу до васъ,
И что вамъ до deboшира“.

Эскизъ основныхъ положеній deboширской поэзіи.

Сведеніе къ deboширству поэтического творчества, понятіе поэзіи, какъ deboша и поэта, какъ deboшира можетъ смутить, запутать легковѣрныхъ, и потому раскроемъ содержаніе:

I.

Негативное: Нами отрицается: поэзія, какъ лирика, специфически-лирический подходъ къ жизни; творчество поэта, основанное на выдавливаніи ритмически-риемованныхъ строчекъ съ лирической окраской; нами изгоняется, то „бремя лирическихъ сомнѣній“, которое несносно тяжело было многимъ лирикамъ (признаніе Александра Блока), оно ясно звучитъ въ поэзіи Лермонтова, Анны Ахматовой, и въ нѣсколькихъ стихахъ живописца Д. Бурлюка.

Объектомъ поэтическаго творчества для насъ не можетъ быть розоватая, сѣроватая, лиловатая гадость пейзажа; будь-то вечеръ, звѣздное небо, лѣсная глушь, аллеики сада, или очи и костюмы женщинъ, ихъ губы, волосы, и всѣ въ жизни красочныя пятна. Живописное разрѣшеніе объекта поэзіи не допустимо. Краскамъ и живописнымъ впечатлѣніямъ въ поэзіи нѣтъ мѣста.

Весь прежній ассортиментъ поэзіи: тенденція, призывы къ подвигу, проклятію, радости, грусти, нѣжности, отвращенію, любви, религіозныя и моральныя сентенціи, или развитіе въ поэзіи абстрактныхъ воззрѣній на Божество, на человѣка, природу и жизнь, также вовсе изгоняются и не служатъ объектомъ дебоширской поэзіи. Ритмъ, рима, размѣръ и въ цѣломъ вся фактура стараго стиха, ни въ коей мѣрѣ, не связываютъ дебошира въ его творчествѣ. Символы, соотвѣтствія, контрасты, также не связываютъ дебошира какой либо данной схемой. Негативную исходную сущность дебоширства кратче выразить извѣстными строчками Д. Бурлюка:

„Судьба лишь горькая издѣвка;
Душа—кабакъ, а небо—рвань;
Поэзія—истрепанная дѣвка,

А красота—кощунственная дрянь“.

Трепать попрежнему истасканную дѣвку, не слишкомъ-ли жестоко? И отграниченіе дебошира и футуриста въ томъ, что футуристы съ прежними аксессуарамъ поэтики воспѣваютъ, и „дохлую луну“, и „облако въ штанахъ“, и „ожирѣніе розъ“. Они съ прежнимъ лирическимъ подходомъ занимаются трепаньемъ истасканной дѣвки.

И только въ одномъ близки футуристы, въ ихъ исканіяхъ обновить обвѣтшалое слово и создать освѣженный, хотя-бы и до сплошной заумности языкъ.

Но „Заумная поэзія“ по существу, у нихъ остается той-же дряхлой старушенкой лишь въ новомъ капотѣ. Наконецъ, негативное опредѣленіе поэта въ томъ, что индивидуальная тренировка, кабинетное выдавливаніе, какъ нарывовъ стихоплетеній, мучительная напряженность, или натренированное механическое мастерство, шалость небрежного, бездумнаго пера, взбудораживаніе себя тупымъ психопатологическимъ состояніемъ: *вдохновеніе soi-disant.*, и всякая выпренность, нездоровая экстатичность въ процессѣ творчества, рѣшительно нами вышвыриваются. Отмечается нами и та сказочка для очень

маленькихъ дѣтей о какомъ-то поэтическомъ дарѣ, талантѣ, искрѣ Божіей.

II.

Позитивное: давно утверждается: жизнь, какъ дѣйствованіе, какъ переливная, текущая измѣняемость нашихъ непосредственныхъ переживаній. Мы утверждаемъ, что сплѣтенность отдѣльныхъ дѣйствованій переливной сущности жизни, создаетъ въ обстановкѣ коллектива — кутерьму (дебошъ), нами понимаемую, какъ клубокъ, какъ сочетаніе изъ всѣхъ разноликихъ проявленій улицы, толпы, кучки людей и своей души, въ ея развернутомъ и осознанномъ видѣ.

Жизнь, какъ кутерьма — наше исходное положеніе въ дальнѣйшихъ построеніяхъ.

Научно установлено, что образованіе понятій, предшествовало созданію слова. Что были первичныя понятія, которыя человѣкъ устанавливалъ, воспринимая въ первоначальномъ развитіи яркія явленія: земля, вода, огонь и т. п.

Какъ результатъ взаимодѣйствія людей другъ съ другомъ, какъ результатъ коллективной работы, создается слово. Слово

возникаетъ, какъ обозначеніе одного изъ признаковъ понятія, какъ обозначеніе части понятія.

Коллективъ получаетъ осмысленную спайку словомъ; это упрочило его и стали создаваться новыя понятія.

Въ дальнѣйшемъ образованіи лексическихъ понятій, связь съ первичными понятіями утрачивалась, и въ процессѣ коллективной работы—эта связь возстанавливалась тавтологическими словами и эпитетами. Таже потребность въ восстановленіи собственнаго значенія слова, постепенно забываемаго, видна и въ образованіи символовъ (Потебня).

Весь коллективный опытъ, накопленный въ звукосочетаніяхъ, всегда живъ въ новыхъ, тавтологическихъ словахъ и символахъ.

Такъ что, ни одинъ обвѣтшавшій звукъ не умираетъ и чѣмъ дальше идетъ процессъ созданія новыхъ понятій и словъ, тѣмъ интенсивнѣе вбирается весь прежній опытъ и перерабатывается коллективно.

Утонченіе и развитіе человѣческой психики расширяетъ жизненную, активную воспріимчивость и очень часто наше переживаніе, настроеніе, чувствованіе и вообще весьма ясное, какое-либо состояніе нашего духа—невѣроятно

трудно выразимо, не имѣть имени, не имѣть слова. Отсюда у большинства лириковъ, не исключая, и самыхъ талантливыхъ, и заурядныхъ муки слова, творческія мученія. Частое признаніе въ стихахъ и прозѣ безсилія слова, его ограниченности; неспособность выразить всей утонченности нашихъ переживаній и ясное сознаніе, что слово только исказить, изуродуетъ непосредственное переживаніе (Фетъ, Тютчевъ, почти всѣ современные, и акмеисты, и символисты). Эта трагедія поэзіи и поэта, роковое противорѣчіе прежняго поэтического творчества, легко уясняется, послѣ тѣхъ общихъ предпосылокъ о процессѣ образованія новыхъ понятій и словъ. Причина въ томъ, что слово и понятія создаются коллективно; они создаются въ той кутерьмѣ изъ дѣйствованій, о которой мы говоримъ, какъ объ основномъ условіи характеризующимъ жизнь. По робинзоновски выдавливаніе въ одиночку новыхъ понятій, словъ и звукосочетаній—пустое занятіе и невѣжественное заблужденіе; такое индивидуальное творчество всегда будетъ отставать и не улавливать всей переливной новизны жизни. Если коллективъ не подскажетъ, если въ коллективѣ не бродятъ

и не осознаются новыя звукосочетанія, они мертвы и пропадаютъ.

Поэзія сегоднѣшняго дня заведена въ тупикъ; она завершила свой путь; исчерпала индивидуальную изошрённость и умерла; пульсъ ея слишкомъ слабъ.

Прежніе приёмы поэтического творчества, теперь могутъ служить лишь для перепѣвовъ стараго, для подкрашиванія погребѣннаго, лирическаго трупики. Но есть другая попытка освѣжить поэзію—ввести свой, единственный языкъ; создается „заумная“ поэзія, понятная для себя, и только для себя; весь положительный смыслъ ея въ томъ, что кругъ завершёнъ.

Робинзоновская поэзія торжествуетъ.

И чѣмъ дальше будетъ уточняться жизнь и развертываться перспективы новыхъ дѣйствованій, ощущеній, впечатлѣній, тѣмъ острѣй, и острѣй будетъ чувствоваться отсталость поэзіи, ея безсиліе, ея основныя противорѣчія; она или должна стать невыразимой паузой, или быть только поэзіей для единственнаго, только для себя. Какъ видно эти два выхода вполне естественны для прежней съ робинзоновскимъ уклономъ поэзіи. И вотъ, почему нами выдвигается новое „Испо-

вѣданіе вѣры“. Мы утверждаемъ, что спасти поэзію можетъ только коллективное поэтическое творчество (дебошъ), только коллективная поэзія способна выявлять новизну современной кутерьмы, только выявленіе кутерьмы ширить иныя дали и обогащаетъ человѣка.

Люди влачатся, или бѣгутъ и поглощенные обыденностью не сознають всей кутерьмы, всей прелести клубка сплетеній звуко-дѣйствованій, окружающей ихъ улицы, толпы, кучки людей и даже своей души. Отсюда объектъ поэзіи —выявленіе кутерьмы. всѣхъ ея звуко-дѣйствованій осознаніе и раскрытіе новыхъ перспективъ кутерьмы (дебоша). Дать возможность пережить человѣку глубинную сущность переливныхъ дѣйствованій и тѣмъ обогатить опытъ иными, далекими горизонтами. Элементы лирики, литературщины, живописности, какъ затемняющія передачу звуко-дѣйствованій не могутъ быть использованы. Какъ въ живописи было направленіе „лучизма“, отъ живописца требовалось улавливаніе красочныхъ лучеиспусканій, такъ и въ поэзіи улавливаются только звукодѣйствованія жизни. И передаются не связывая, себя никакими шаблонами прежней поэтики.

Дальнѣйшее наше утверждѣніе въ томъ, что въ переходный періодъ, когда невозможно перейти къ непосредственному, подлинному коллективному творчеству, необходимъ творец-дебоширъ и дебоширская поэзія. Ибо коллективъ еще аморфенъ и для творчества не кристаллизованъ, а условіе проявленія коллективнаго поэтического творчества въ томъ, что-бы каждая отдѣльная индивидуальность или большая часть пережила обостренное состояніе своей психики, дошла въ своей отъединенности до *non plus-ultra*, утончилась и увидѣла одинъ просвѣтъ въ сопряженности съ коллективомъ.

Творец-дебоширъ подходитъ къ характеризованному выше объекту поэзіи не прежнимъ методомъ. Задача его прильнуть, тонко воспринять всякій, живой, бьющейся конгломератъ; распутать сплетенія дѣйствованій и звуковыхъ сочетаній и передать въ любой формѣ дебошъ, напри-мѣръ, улицы вечерней, ночной, утренней, дебошъ театра, сада, церкви, вокзала, кафэ, часовни кабака, ресторана, комнаты, своей души и т. п.

Изображеніе дебоширомъ кутерьмы, расширить, обогатить опытъ каждого, свѣжими пережи-

ваніями. Чоловікъ весело признає красоту дѣйствованій въ атмосферѣ колектива, красоту кутерьмы колективной, и жизнь, углубленная новыми переживаніями, настроєніями, станеъ прекраснѣй.

На этомъ, я закончу позитивное раскрытіе содержанія основныхъ положеній дебоширства.

Іюль 1918 годъ.

Наброски стиха.

Предлагаемые наброски — исканіе прошлыхъ дней, до появленія выработанной схемы идеи дебоширства.

И мнѣ думалось, всю прежнюю рухлядь нужно испепелить до тла и предать забвенью. Но среди почти запойно написанныхъ цикловъ — воспоминаній (названіе ихъ теперь звучитъ формально, ибо только отрывки помѣщены въ этой тетради), нашлись вещи, гдѣ не слишкомъ выявлена обнищавшая лирика, гдѣ смутно, но все же есть элементы дебоширской поэзіи.

И вотъ, пока не завершены лабораторные, черновые опыты надъ идеей колективнаго, поэтическаго творческаго, пока еще нѣтъ

чёткой фактуры, приемовъ и под-
ходовъ къ дебоширству, я и дер-
зну предложить коё-что изъ преж-
няго и буду оправданъ велико-
лѣпной восточной мудростью.

„Подарокъ дервиша—листокъ
зеленый;
Что ему дѣлать, у него только
это и есть“.
(Саади).

Изъ цикла:

„Цвѣты на Стружанѣ“.

I.

Л а н д ы ш ь .

Ландышъ—гадышъ пахучій,
срамнущій;
Ладанку старушка пригрудила,—
и злющей
Съ того стала дня;
Ладанъ—данью пыльной;
Ландышъ сальный, мыльный,
Весь въ фестонахъ вѣнчикъ,
Въ узкогорлыхъ листьяхъ,
Гадышъ, гадышъ-ландышъ,
Разстелись по мшинкамъ,
Уносись, какъ ладанъ,
Пригрудись къ старушкѣ.

II.

Гортензія.

Какъ бантики, цвѣты нѣмѣлыя
въ шелку,
Гортензія помятая въ корзинѣ;
На площади мочалится въ пучки;
„Купите“ звонкій крикъ.
Продажная Гортензія въ рукахъ;
Иду, и вновь звучить въ голу-
бенькихъ глазахъ: „Купите“....
Смутьянка площади привычна и
дерзка:

— „Меня зовутъ Марго“.

— „Цѣна“?

— „О, съ Вами я сойдуся;

Сегодня я, какъ и гортензія по-
мятая, не очень дорога“.

Продажная Марго, гортензія и я;

Постель въ духахъ дешевенькихъ
и гадкихъ,

Нѣмѣющій разорванъ въ шелкѣ
бантъ,

И кошмаромъ нездѣшнимъ на
разсвѣтѣ,

Запахла въ вялыхъ губкахъ па-
даль, падаль.

Гортензія загажена въ ногахъ;

Марго и я заплетены въ проклятье.

Изъ цикла:

„Обожалки Института“.

I.

Въ дортуарѣ.

Кровянить свѣчка желтенькій,
спальный столикъ;
Подъ мышкой теплѣй кружева;
Ахъ, препротивный институтскій
дворикъ!
Обожалка, Обожалка прильни,
Я нѣжна!
А подушка манитъ романомъ
укутаннымъ;
„Le fils du diable“ прочтенъ до
конца; ночью мужчина,
кителемъ стянутый, одиванитъ
меня,
Сомнеть
Кровянить свѣчка желтенькій
столикъ.
Ахъ, какъ ужасно смѣшно и легко!
Крысиными шажками классуха
крадется;
Брысь, брысь
Институтка длиннить туго—сом-
кнутые ноги,
И руки внезапно отъ тѣла на-
верхъ
Притворница спить

Классуха таится, неслышно
скользитъ;
Институтка цвѣтетъ, расцвѣтаетъ
въ хотѣніяхъ.

II.

Смольнянка.

Онъ, какъ тайна свѣтлитъ
Въ паркѣ зимнемъ;
Пелеринка противна, нудна;
А милѣ *hipaus'a* нѣтъ ничего
въ институтѣ,
Да скамьи леденѣлой, гдѣ и Онъ,
и Корлетка, и Я.
Мы одни запушенные снѣгомъ и
прутьями ломкими,
И мечтаемъ укромою, какъ въ
полуснѣ;
Ахъ, святки, скорѣй-бы, скорѣй!
Бубенцы, пара цугомъ въ саняхъ
И заиндевший кучеръ Ефимъ;
Вотъ и „Мокшоръ“, колонки,
балконъ;
А на елкѣ у насъ пажъ вишне-
вый, склоненный;
Это Онъ ужасно влюбленный,
даже очень, въ меня.
Онъ подкрасилъ сиренью такъ
густо лиловой
Мои синяки
И взметнулъ навсегда, голубые,
какъ лёнъ глаза.

Изъ цикла:

„Бисерная пороша“.

I.

„Пала припала молодая
пороша“.

Изъ стар. пѣсенъ.

На весеннемъ, на привольѣ, на
лужкѣ,
На примятой, на сочистой, на
травѣ:

Кувыркались двѣ дѣвчонки,
Колковѣйныя юбченки,
Одуванчики сдували,
А глазенки а глазенки
Ручки прятались въ подолъ. . . .
Проходили старушенки:
„Какъ не стыдно оголѣнки,
Какъ распахнуты ноженки!“
Старушенки, засушенки прочь!
И поэтъ гогочетъ звонко:
„Кувыркайтесь-же дѣвчонки,
Кувыркайтесь до упада,
И невѣрьте старушенкамъ,
Имъ завѣщано прошмакать этотъ
вздоръ!“

II

„Ужъ, какъ выпаль
снѣжокъ,
Чуть виденъ слѣдокъ,
А мы по слѣдочку“ . . .

Изъ старинной пѣсни.

Вѣнчанье—космачъ;
Полутемный, храмный мракъ;
Чей, въ аналоѣ затаился вздохъ,
Гдѣ, гдѣ жениха слѣдокъ?
Я жена, и не вижу пути-доро-
женьки,
Я не знаю его тропы;
Что-же, дерзанія въ бисерѣ,
Такъ въ душѣ робки?
На саночкахъ вихрастыхъ
Обручены, летимъ;
И губы близки, близки
Ахъ, какъ нарывно съ нимъ!

Изъ цикла:

„М я у н к а.“

К у п а н і е.

Солнце насъ къ водѣ прислонкой
привело:
И раздѣло; посмуглѣли спинки,
шейки, въ ямкахъ у ключицъ
темно;

Разлѣлѣялась песчанка;
Омутно запѣло дно;
Тѣло — смѣло,
Взмахъ — бросокъ,
Заплетенное съ волною,
Брызжетъ крупною слезою
И проваль широкъ; такъ легко
И раздвинуть ноги,
И взмахнуть водой крылатой,
Плашмяной,
И посплавится грудями,
И поплыть, поплыть, поплыть.

II.

П о ц ѣ л у и.

Паутинки поплутали;
Цолонять лиловый ротъ;
Собирали въ трубку губы,
И тянулись, и тянулись
Ссючь, ссючь, ссючь.
И слюнявыя слезинки
Запутлилися какъ ворохъ
Въ раздвоеньи пухлыхъ губъ.
Ссюча, ссюча, ссюча, ссючь.
Паутинки разорвались,
Вотъ расхлябанный клубокъ,
Словно съ тинкою свалялись
И у вялыхъ, влажныхъ губъ
Все звончѣй сосались звуки
Ссюча, ссюча, ссюча, ссючь.

Изъ цикла:

„Кармелитка и Нарциссъ“.

Большевичкѣ Гертѣ
Слюннйвой.

Изъ предисловія.

— „Мы вѣжнѣйшія, какъ самая, святая и безплотная монахиня ордена Кармелитокъ.

И также, какъ Кармелитки мудро поняли всю недѣльность желанія жить“.

— „Мы нарциссы и также влюблены въ свое отображеніе, но не въ свѣтломъ, прозрачномъ ручьѣ, а въ асфальтѣ, гадости и грязи пыльныхъ улицъ. Мы, какъ и юноша Нарциссъ никогда, никого не любили“.

Драма театра.

На галёркѣ, на скрипучей,
Куролѣсица шумкомъ расползлась;
Пируэтомъ всѣ взметнулись къ
потолку:
Хрустѣ дѣтей, хрустально — глухо,
завенѣлъ;
Мы отброшены отъ креселъ
Въ омутъ бархатный и шаткій,
Въ груду льющую Тоску.

Мой ребенокъ.

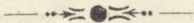
На второмъ мѣсяцѣ беременна;
Лайкой стянута тонкая рука.
Тцакъ, тцакъ, тцакъ, тцакъ,
Каблучки троттуарятъ;
„Интересное положеніе“.

Цѣдитъ пошлякъ,
Цѣдитъ улица.
Въ лайкѣ обтянутой
Ея взлетѣла рука;
На второмъ мѣсяцѣ беременна
Гульливая не знаетъ толпа,
Чѣмъ человѣкъ наслаждается?
У ней больно распухла нога;
Тцакъ, тцакъ, тцакъ,

Медлю:
Она скрывается въ переулочкѣ,
Но, когда ребенокъ въ ней затол-
кается

Залучатся также ея глаза,
Какъ и въ ночь зачатія?
И тогда, мнѣ будетъ-ли весело?
Какъ легко, что она чужая жена!

*
* *

Оглавленіе

	Стр.
1) Pro domo suo	3
2) Эскизъ основныхъ положеній .	5
3) Предисловіе къ наброскамъ стиха	14
4) Изъ цикла: „Цвѣты на Стру- жанѣ“	
Ландышъ	15
Гортензія	16
5) Изъ цикла: „Обожалки Инсти- тута“	
Въ дортуарѣ	17
Смольнянка	18
6) Изъ цикла: „Бисерная пороша“	
На весеннемъ на привольѣ	19
Вѣнчаніе — кос- мачъ	20
7) Изъ цикла: „Мяунка“	
Купаніе	20
Поцѣлуй	21
8) Изъ цикла: „Кармелитка и Нарциссъ“	
Драма театра	22
Мой ребенокъ	23

76/5-
~~1918-30~~

1918-30 2/1/18

30

1918